

Ю Жун беспомощно вздохнул и зашагал по комнате, пытаясь докопаться до истинной причины.

— Но... Государство У теперь принадлежит Фэй Чжунцы, но в то же время это заслуга моего покойного отца, — произнес Ю Жун. — Цзян Чжэнь уже в том возрасте, когда всё понимает. Наверняка она до глубины души ненавидит Государство Цзюэ. Неужели матушка забрала ее во дворец... неужели просто ради того, чтобы унижить императорский род Государства У?

— То, что ты говоришь, звучит слишком неправдоподобно. — Лу Чжаохань стоял в стороне, молча выслушав его догадки, и невольно с горькой усмешкой пояснил: — От клана Цзян из Государства У теперь осталась лишь одна Цзян Чжэнь, но прежде она была дочерью опального вана от какой-то наложницы и не пользовалась любовью отца. Братья и сестры презирали ее мать за низкое происхождение, и жила она почти как простолюдинка. Очутившись во дворце, она скорее испугается до смерти, с чего бы ей пылать ненавистью?

Ю Жун изумленно спросил:

— Я никогда об этом не слышал, откуда тебе всё это известно?

Разумеется, об этом было известно из воспоминаний самой Цзян Чжэнь, но правду говорить было нельзя:

— Я услышал это от служанок, которые прислуживают в покоях вдовствующей императрицы.

— К тому же пользы от Цзян Чжэнь куда больше, чем ты думаешь, — последовательно рассуждал Лу Чжаохань. — Во-первых, Цзян Чжэнь — сирота из императорской семьи Государства У, и наверняка найдется немало старых чиновников, желающих возродить бывшее государство. Бывший император отдал Государство У Фэй Чжунцы, и не только великая вдовствующая императрица затаила обиду в сердце, но даже вдовствующая императрица и Суй Ян не могут смириться и жаждут проглотить Государство У. Цзян Чжэнь — это ниточка, связывающая вдовствующую императрицу со старыми преданными людьми.

— Мало того, как только станет ясно, что Цзян Чжэнь можно использовать, вдовствующая императрица заставит тебя жениться на ней.

— Жениться на ней?! — изумленно воскликнул Ю Жун. Он соскочил с письменного стола, подбежал и схватил Лу Чжаоханя за рукав. — Вдовствующая императрица хочет, чтобы я взял ее в жены и сделал императрицей, и тем заполучил Государство У?

— Именно так.

Увидев уверенный кивок Лу Чжаоханя и выражение абсолютной убежденности на его лице, Ю Жун почувствовал горечь.

— Я — законный император Государства Цзюэ, с какой стати мне брать в жены дочь павшего государства? Матушка делает всё это ради своего рода... — Ю Жун тяжело вздохнул. — Неужели я и впрямь могу лишь плыть по течению, позволяя другим помыкать собой?

Ю Жун только что взошел на престол. С одной стороны возвышался Храм Тайсуй, с другой — его собственная родная мать, и обе женщины отличались небывалым честолюбием. Находясь под их прессом, молодой император на людях позволял себе лишь капризничать, словно малый ребенок, зато втайне то и дело жаловался Лу Чжаоханю на них обеих, горько сетуя на собственное бессилие — мол, теперь он чувствует себя еще более беспомощным, чем в бытность наследным принцем!

Лу Чжаохань подумал про себя: твои трудные дни еще впереди...И действительно, вскоре Цзян Чжэнь заслужила доверие вдовствующей императрицы и была возвышена до придворной дамы, пользуясь большим авторитетом во дворце. Однако по подсказке Лу Чжаоханя новый император узнал об истинных намерениях вдовствующей императрицы, поэтому относился к Цзян Чжэнь исключительно холодно. Когда вдовствующая императрица поинтересовалась, почему он невзлюбил Цзян Чжэнь, Ю Жун ответил: Цзян Чжэнь — всего лишь женщина из павшего государства, да к тому же потомок выходцев из Государства У, и она недостойна служить во дворце.

Вскоре новому императору исполнилось тринадцать лет — как раз наступил возраст, когда у принцев начиналось половое просвещение. Вдовствующая императрица умудрилась назначить именно Цзян Чжэнь его наставницей. Император так перепугался, что у него глаза на лоб полезли: не успев даже нормально одеться, он с воплями бросился бежать, словно увидел страшного демона!

Хотя Ю Жун не трогал Цзян Чжэнь, вдовствующая императрица всё равно попыталась засунуть её в гарем Ю Жуна, уговаривая проводить с ней побольше времени. Ю Жун прикинулся невинным ребенком и прямо выпалил: Эта женщина бесстыдна, а лицом она хуже любой дворцовой служанки! Я — император, и решать, какая наложница мне нравится — это моё дело. Она мне не нравится, и видеть её я, естественно, не хочу.

Вдовствующая императрица сидела на кушетке, пока служанка красила ей ногти. Услышав его слова, она с раздражением сдвинула брови и спросила: По-твоему, она некрасива?

Ю Жун поджал губы: Некрасива.

А какая женщина, по-твоему, красива?

Ю Жун опустил голову и задумался на мгновение, пока в его голове постепенно не возник чей-то образ: Во-первых, у неё должен быть хороший характер, и она должна слушаться меня.

Вдовствующая императрица кивнула: Неплохо, Цзян Чжэнь тоже способна на это.

Алые губы и чарующие глаза, кожа словно белый фарфор, а руки нежные, как побеги тростника. При этом в ней нет недостатка в величии, она ведет себя подобающе, во всем разбирается и обладает здравым смыслом, да к тому же прекрасно образована — знает всё на свете и на небесах!

Услышав первые условия, вдовствующая императрица высоко подняла брови, а когда услышала продолжение, не удержалась от смеха: Из каких это книг ты вычитал, Ваше Величество? Среди девц твоих лет нет таких удивительных женщин, да еще и знающих всё на свете и на небесах.

Ю Жун внезапно кое о чем сообразил и воскликнул: Матушка, я вдруг вспомнил: разве возле императора-отца раньше не было божественной жрицы по имени Чжаохань?

Вдовствующая императрица ответила: Была такая, но её уже несколько лет как отозвали обратно в Храм Тайсуй.

А за что её отозвали? — расспросил Ю Жун.

Вдовствующая императрица удивилась: С чего это ты вдруг заинтересовался подобными вещами?

Ю Жун разочарованно вздохнул: Да просто вспомнил о ней. Эта божественная жрица столько лет провела рядом с императором-отцом, что в детстве я видел её каждый раз, когда навещал его. Столько времени прошло с нашей последней встречи, я уже и забыл, как она выглядит — помню лишь, что у неё был хороший характер.— Хм, впрочем, она тоже та еще смутьянка. — Вдовствующая императрица холодно усмехнулась, взмахом руки отпустила служанок и продолжила: — После ее ухода покойный император несколько раз разыскивал ее... Говорят, она станет следующим Верховным наставником государства, поэтому уже давно поселилась в Дворце Созвездий.

— Как же это неожиданно! — воскликнул Ю Жун. — Чынгиль помнит, что еще позавчера она была совершенно в порядке, а на следующий день исчезла. Чынгиль даже подумал: не совершила ли она какую-то ошибку, раз вдруг пропала?

Услышав это, вдовствующая императрица невольно задумалась:

— И впрямь странно. Человек взял и ушел, самое удивительное, что даже покойный император ничего не знал...

— Тебе, сынок, не стоит об этом ломать голову. Раз уж она из Храма Тайсуй, ничего хорошего от нее ждать не приходится, — наставительно произнесла вдовствующая императрица. — Не водись с людьми из Храма Тайсуй, у них недобрые намерения. Ты помнишь, что говорила великая вдовствующая императрица?

Ю Жун робко опустил голову:

— Да, чынгиль понял. Впредь он никоим образом не станет упоминать людей из Храма Тайсуй...

Вдовствующая императрица довольно кивнула, но вдруг сообразила, что разговор ушел в сторону, и снова заговорила о Цзян Чжэнь:

— Что такое? Неужели ты, сынок, и вправду ни капельки не любишь Цзян Чжэнь?

Ю Жун широко раскрыл глаза, стараясь выглядеть как можно искреннее:

— Да! Чынгиль искренне ее терпеть не может, совсем не хочет ее видеть. Матушка, заведи ее отсюда!

Однако вдовствующая императрица лишь со смешком покачала головой:

— Ты просто еще мал, не понимаешь чувств между мужчиной и женщиной, вот и стесняешься.

Выражение лица Ю Жуна постепенно стало холодным. Вдовствующая императрица

продолжила:

— Цзян Чжэнь — хорошая девушка, не обижай ее в будущем. Кто знает, может, со временем она даже подарит тебе императорского сына.

Вернувшись во дворец, новый император пришел в ярость. Отослав всех прочь, он принялся крушить вещи в тронном зале. Чернота в его душе стучалась, а когда маска послушного мальчишки была сорвана, осталась лишь злобная, жестокая ярость.

Какая-то горстка девчонок — да как они смеют презирать императорское величие?! Как смеют указывать ему! Его империя, его власть — всё это оказалось пустым звуком!

Пока Ю Жун был наследным престолом, единственным человеком, имевшим право сурово отчитывать его, был покойный император. Кроме того, куда бы ни ступала нога наследника, все неизменно падали ниц и приветствовали его; даже нынешняя вдовствующая императрица, а тогда еще императрица, всегда относилась к нему с особой теплотой, и окружающие редко ставили под сомнение его решения.

А теперь в зале заседаний у него даже права голоса не было — о каком величии вообще шла речь?!

Чем больше он думал об этом, тем сильнее закипал от злобы. Ю Жун сидел на кушетке, тупо уставившись собственным ногам в глаза. Он до безумия ненавидел свое бессилие и нынешнее одиночество, в котором некому прийти на помощь!

Внезапно почувствовав на себе чей-то взгляд, Ю Жун настороженно поднял голову. Оказалось, пришел Лу Чжаохань. Он тихо сидел неподалеку и с мягкой улыбкой смотрел на него. Пережив столько обид, Ю Жун в тоскливой надежде искал поддержки у Лу Чжаоханя. Он протянул руку, ухватился за эти ледяные пальцы и заглянул в его глаза, казалось, источавшие жалость ко всем живым существам:

— Ты pomoжешь мне? Я не хочу больше терпеть. Если терпеть дальше, я лишусь всего. Все вокруг видят во мне лишь марионетку, даже моя родная мать — она давно ослеплена властью и желает лишь одного: чтобы я навсегда остался наивным мальчишкой!

— Вашему Величеству на самом деле не стоит бояться. — Лу Чжаохань привычным движением обнял прильнувшего к нему юного императора. — Богомол ловит цикаду, а позади сидит ириска. Чего стоят два года терпения для того, кто задумывает великое дело?

— Но матушка уже всё распланировала, она даже хочет, чтобы Цзян Чжэнь родила сына, и совершенно не считается с моими чувствами!

— Ваше Величество еще юн, как бы она на вас ни давила, у вас всегда найдется повод увильнуть. К тому же, нет Цзян Чжэнь — найдется Ли Чжэнь или Чжао Чжэнь! К тому же Цзян Чжэнь — девушка неглупая, вы вполне можете смело вести с ней двойную игру, но остерегайтесь попасться на ее удочку. Держитесь от нее подальше: раз уж императрица давит на нее, она вполне способна совершить что-нибудь крайнее.

Ю Жун молчал. Лу Чжаохань намекнул снова:

— Покойный император при жизни сохранил Государство У именно для того, чтобы оставить вам путь к отступлению. Нельзя разочаровывать его доверие.

— Государство У? Путь к отступлению? Разве Государство У не принадлежит Фэй Чжунцы? — поднимая голову, спросил Ю Жун.

— То, что Фэй Чжунцы возглавил войска и навел порядок в Государстве У — задумка покойного императора. — Лу Чжаохань решил выложить всё перед новым императором: — Изначально покойный император планировал позволить Фэй Чжунцы спокойно развиваться в Государстве У, скрываясь от надзора Храма Тайсуй, чтобы в итоге вырастить по-настоящему чистую, преданную армию. Сам же он искал способы подорвать слепую веру народа в Храм Тайсуй. Но покойный император никак не ожидал, что Суй Ян окажется настолько безжалостной и без колебаний расправится с ним.

— Храм Тайсуй и мой венценосный отец враждовали не первый день, неужели отец не знал, что Верховный наставник государства способна причинить ему вред?! — с гневом воскликнул Ю Жун.

— Верно, покойный император знал, что Суй Ян замышляет недоброе, но просто надеялся на удачу. Ведь по старшинству покойный император приходился Суй Ян племянником. Оказывается, в свое время у Верховного правителя была тайная связь с прислуживавшей ему божественной жрицей, и эта самая жрица приходилась старшей соученицей Суй Ян и биологической матерью покойного императора. Вдовствующая императрица безумно любила Верховного правителя, но тот был слепо одержим жрицей, из-за чего в ее сердце поселилась лютая ненависть к сопернице. В конце концов жрица забеременела, и это тайное дело вскрылось — об этом узнал прошлый Верховный наставник государства. Пришедший в ярость наставник выгнал жрицу из Храма Тайсуй, однако из уважения к былым чувствам не стал расправляться с ней жестоко. Он лишь предупредил жрицу: если она не уберется из столицы по добру по здорову, он призавлет призраков и божеств, чтобы наслать проклятие и погубить их с ребенком!

После бегства жрицу приютил один из преданных сановников Верховного правителя. Она родила будущую императрицу, после чего бесследно исчезла. Суй Ян собственными глазами видела, как угасла лампада жизни ее соученицы, и поняла, что та мертва, из-за чего затаила лютую обиду на императорский род, погубивший ее возлюбленную наставницу.

При этом тело жрицы так и не смогли отыскать. По словам старой служанки, некогда прислуживавшей при дворе Вдовствующей императрицы, та считала, что Верховный правитель слишком сильно боготворил красоту жрицы. Расправившись с соперницей, она содрала с ее лица кожу и заспиртовала в особом отваре, чтобы хранить ее. Каждую ночь, воображая возвращение Верховного правителя, Вдовствующая императрица прикладывала эту человеческую кожу к своему лицу, словно надеялась, что благодаря этому Верховный правитель снова вспыхнет к ней любовью!

Услышав это, Ю Жун изумленно замер:

— Но я ведь то и дело навещаю Вдовствующую императрицу, она совсем не похожа на безумную.

— Она действительно безумна, к тому же находится под контролем Суй Ян, которая через нее следит за каждым шагом в гареме.

Внутри храма долго царила тишина, наконец Ю Жун со вздохом произнес:

— Никогда бы не подумал, что женская любовь бывает настолько жуткой... Тогда скажи, зачем Верховный наставник государства попытался погубить моего отца?!

Каждый раз, вспоминая, что Суй Ян — убийца его отца, которая теперь плетет интриги и против него самого, Ю Жун испытывал такое жгучее желание разорвать ее на куски и испить ее крови, что едва сдерживался!

С легкой улыбкой Лу Чжаохань пояснил:

— Суй Ян от начала и до конца заботилась лишь о своей соученице. С малых лет она не ведала семейного тепла, и поскольку соученица растила ее с детства, Суй Ян видела в ней вторую мать. И хотя покойный император был плоть от плоти ее соученицы, Суй Ян никогда не верила в узы крови, а потому невзлюбила его, считая, что именно из-за него ее соученицу изгнали из Храма Тайсуй. Суй Ян знала лишь одно истинное чувство — любовь к своей соученице, все прочие для нее ничего не стоили.

Лицо Ю Жун исказилось в странной гримасе:

— Любовь? Неужели Верховный наставник государства любила женщин?

— Не обязательно так прямолинейно, просто таковы проявления искаженной любви Суй Ян. К тому же воспитание в Храме Тайсуй учит тому, что мужчины и женщины — лишь бранные оболочки. Взаимоотношения между людьми не должны зависеть от пола, а потому само понятие мужской и женской страсти или любви упраздняется. Это и есть Обет воздержания.

— Ах вот оно что... — Ю Жун кивнул, понимая всё лишь наполовину, но вдруг почувствовал неладное. Подняв взгляд на Лу Чжаоханя, он спросил: — Откуда ты вообще всё это знаешь? Разве это не тайны императорского двора?!

Лу Чжаохань загадочно улыбнулся:

— Эту сторону моей жизни тебе постичь не дано, у меня свои призрачные сверхъестественные способности.

Что-то из этого в будущем предстояло расследовать самому Ю Жуну вместе с Цзян Чжэнем, о чем-то Лу Чжаохань расспросил Призрака с экзаменов, а остальное попросту домыслил! Однако правду было не рассказать ни о чем из этого, и Лу Чжаохань легко отмахнулся от расспросов ссылкой на мистический дар.

— Кстати, я до сих пор не знаю твоего имени, как тебя зовут? — поинтересовался Ю Жун.

Лу Чжаохань мягко улыбнулся:

— Я давно позабыл собственное имя. Я всего лишь свободный бродячий дух, так что меня

совершенно не волнует, как меня называют.

— Тогда давай я сам придумаю тебе второе имя и буду так звать, хочешь?

Эта внезапная идея Ю Жюна слегка утомила Лу Чжаоханя, и он отказался:

— Мне не нравится, когда меня как-то называют. Если уж тебе приспичило обращаться ко мне, зови просто бродячим духом. Стоит мне обрести имя, как я чувствую себя связанным по рукам и ногам.

Ю Жюну пришлось согласиться.

Так прошло несколько месяцев. Поздней осенью Лу Чжаохань вновь встретился с Призраком с экзаменов.

Все те годы, что его тело было заперто во Дворце Созвездий, Призрак с экзаменов навещал его каждые несколько дней и неизменно оставался рядом, пока Лу Чжаохань не засыпал. Порой Лу Чжаохань пытался вырваться на свободу, чтобы повидаться с Ю Жюном, но обнаруживал, что призрак неподвижно стоит у изголовья его кровати и уходит лишь с первыми лучами рассвета.

Призрак с экзаменов когда-то спас его, а теперь выполнял поручения Суй Ян именно в надежде увезти его отсюда. Однако его желаниям не суждено было сбыться: после завершения всех дел Суй Ян Лу Чжаохань неминуемо погиб бы, но раз уж он помогал новому императору укрепиться на троне, бежать на край света с призраком он, разумеется, тоже не желал.

Безответная страсть неизменно приносит лишь тоску и муки, а намерения Призрака с экзаменов были обречены на провал. Лу Чжаохань не раз давал ему понять это тайком, и как мог Призрак с экзаменов не догадываться об этом? И всё же, казалось, он ничего не требовал от Лу Чжаоханя взамен, желая лишь изредка смотреть на него, и не решался открыто заявить о своих чувствах.

— Скоро наступит начало зимы, дела Суй Ян подходят к концу, и она разрешила мне взять тебя с собой развеяться. Что ты об этом думаешь? — сдержанно спросил призрак, стоя рядом с ним.

С тех пор как он понял, что Лу Чжаохань раскусил его чувства и отверг их, он постоянно боялся вызвать у него отвращение. Лу Чжаохань неизменно встречал его ледяным выражением лица, отчего Призраку с экзаменов становилось горько.

Сегодня стояла ясная ночь с прохладным лунным светом. Если посмотреть из комнаты Лу Чжаоханя наружу, величественные в иные дни дворцовые палаты казались совсем крошечными. За красными стенами угадывалось море ярких огней — ночная столичная жизнь бурлила ключом, являя разительный контраст с безмолвной тишиной дворца. Сам Дворец Созвездий на самом деле представлял собой высокую башню, обнесенную по периметру мощной стеной с внутренними покоями. В этой башне насчитывалось не меньше нескольких

десятков этажей, и Лу Чжаоханя держали в комнате где-то посередине. Больше всего на свете он любил сидеть у окна и всматриваться вдали, поэтому Призрак с экзаменов решил, что тот тоскует по воле, и выпросил у Суй Ян позволение вывести его наружу.

— Тебе больше не нужно выполнять ее поручения: сколько ни старайся, она все равно от тебя избавится, — холодно и бесстрастно напомнил Лу Чжаохань, продолжая смотреть на огни за дворцовой стеной.

— Суй Ян не станет меня обижать, — с уверенностью произнес Призрак с экзаменов и успокоил его: — Я рос у нее на глазах, между нами все-таки несколько десятков лет знакомства. Пока я не совершу ничего, что могло бы ее прогневать, она не нарушит своего слова.

Он с надеждой заглянул в глаза Лу Чжаоханю и добавил:

— Очень скоро я смогу увезти тебя отсюда. Тебе больше не придется проводить всю жизнь в стенах дворца, да и мне не нужно будет вечно оставаться в Храме Тайсуй.

Призрак с экзаменов опустился на колени перед Лу Чжаоханем и, схватив его за руку, горячо заговорил:

— Тогда никто больше не сможет указывать нам, что делать. Мы отправимся куда пожелаешь. Уедем из столицы, покинем Государство Цзюэ, в любое место по твоему выбору.

Нарисованная Призраком с экзаменов картина мира показалась бы соблазнительной любому узнику дворцовых стен: каждый человек жаждет свободы, и Лу Чжаохань не был исключением. Но за его плечами лежали бесчисленные жизни, а потому слова призрака не тронули его. Лицо Лу Чжаоханя осталось совершенно беспристрастным, в нем проступала лишь усталость:

— Везде одно и то же, какая разница — внутри дворца или за его пределами?

Призрак с экзаменов вздохнул:

— Ты так долго не бывал на воле, я просто хочу вывести тебя наружу. По ночам там всегда так шумно и оживленно. Даже я, скитаясь по миру уже несколько сотен лет, никогда не уставал от этого. Позволь мне показать тебе этот мир, хорошо?

Тон призрака звучал так, будто он баловал капризного ребенка — точно так же, как сам Лу Чжаохань недавно уговаривал Ю Жуна. Лу Чжаохань пристально глянул на него, понимая, однако, что Призрак с экзаменов не похож на него самого: тот не увязал с головой в разыгрываемом представлении, и все его поступки были искренними...

Спустя долгое время Лу Чжаохань тихо вздохнул и произнес:

— Я знаю, что ты хочешь достичь уровня бессмертного духа.

Призрак с экзаменов слегка удивился:

— Тебе сказала Суй Ян?

— Я даже не виделся с ней. Наверное, она считает меня каким-то странным и не желает встречаться, — с улыбкой покачал головой Лу Чжаохань, опровергая догадку. — Разве ты не знаешь, что для обретения статуса бессмертного духа в первую очередь нельзя губить человеческие жизни?

Лицо Призрака с экзаменов мгновенно окаменело:

— Я не губил человеческих жизней...

— Пусть в Храме Тайсуй и не заставляли тебя пачкать руки в крови напрямую, фактически ты косвенно помог им сгубить бесчисленное множество жизней, — облокотившись на оконную раму, слово за словом срывал покровы тайны Лу Чжаохань. — Ты уже не сможешь обрести Путь и стать небожителем. Стоит тебе покинуть пределы Храма Тайсуй, как ты превратишься в обычного одинокого бродячего духа, или же тебя уволокут в подземный мир посланники смерти?

Призрак с экзаменов горько усмехнулся:

— Верно, мне действительно больше не суждено продвигнуться в культивации. Но можешь не беспокоиться, меня никто не заберет.

— Какое мне дело до того, заберут тебя или нет? — равнодушно отбросив его руку, Лу Чжаохань отвернулся к окну. — Я просто больше не хочу оставаться должником. Если у тебя есть хоть капля здравого смысла, убирайся из императорского дворца поскорее.

Взвесив все за и против, Лу Чжаохань уже обдумал план побега: он собирался сбросить брэнную оболочку, чтобы завершить свою миссию. Это была его последняя встреча с Призраком с экзаменов, и он надеялся, что его жесткие слова заставят призрака уйти, лишив планы Суй Ян одного из помощников, а заодно выведут его на чистую воду насчет истинных целей жрицы.

Отчуждение Лу Чжаоханя озадачило Призрака с экзаменов. Помолчав какое-то время, тот снова подал голос:

— Что же будет с тобой, когда я уйду? Как я смогу уйти со спокойной душой, если не заберу тебя?

Этих последних слов Призрак с экзаменов произносить не стал. Во взгляде его читалась глубокая скорбь, но Лу Чжаохань демонстративно отвернулся от него с ледяным выражением на лице:

— Пожалуй, я открою тебе одну вещь.

Призрак с экзаменов нахмурился, глядя на его спину:

— Какую вещь...

— Ты прожил на свете несколько веков, так как же ты до сих пор не понял, где мои чувства искренние, а где фальшивые? — Лицо Лу Чжаоханя исказилось зловещей усмешкой, он чуть приподнял подбородок и бросил на него взгляд через плечо: — Я все это время просто пользовался тобой. Ты прекрасно все понимал, но продолжал преданно виться вокруг меня. Я никогда прежде не встречал призраков, да к тому же таких глупых, так что мне было ужасно весело.

— Чжаохань...

— Ты хочешь забрать меня с собой? Не смей людей. — На лице Лу Чжаоханя не дрогнул ни один мускул, он прямо заглянул ему в глаза: — Я человек, а ты — призрак. Нам никогда не быть вместе, и этот бродячий дух мне абсолютно неинтересен.

— Даже если я покину дворец, неужели мне придется носиться повсюду днем, а по ночам терпеть тебя и выслуживаться перед тобой? Меня тошнит от мысли, что целыми днями приходится смотреть на физиономию призрака. К тому же твоя истинная сущность до того отвратительна, что от одной мысли об этом выворачивает наизнанку.

— Все мое хорошее отношение к тебе было лишь разыгранным спектаклем, и делал я это только ради того, чтобы посмотреть на твою нынешнюю глупую физиономию! Теперь мне надоело, я больше не хочу тебя видеть и у меня нет ни малейшего желания возиться с тобой. В этом мире везде одно и то же — выйду я наружу, умру или останусь в живых, для меня не имеет никакого значения. Больше всего меня бесит, что мне до сих пор приходится влачить жалкое существование здесь и угождать вашим прихотям! Уж лучше бы ты тогда не спасал меня, по крайней мере, я ушел бы без лишних мучений.

Слушая каждое слово Лу Чжаоханя, вонзавшееся в сердце словно кинжал, Призрак с экзаменов так и замер на месте.

<http://bllate.org/book/22137/2306496>